

какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, не покидаетъ родителей—отца и мать, а у финновъ, особенно въ низшемъ сословіи, какъ только дѣти подросли, такъ и оставляютъ отца и мать; даже со временемъ, сдѣлавшись состоятельными, обращаются съ отцомъ и матерью какъ съ дальней родней. И самое родство у финновъ ведется очень холодно, между тѣмъ какъ у кореловъ даже въ третьемъ колѣнѣ родство горячо почитается.

Женскій нарядъ вообще въ Финляндіи мало измѣняется, исключая Выборгской губерніи, гдѣ онъ такъ разнообразенъ своею пестротою, что трудно описать болѣе подробно; почти въ каждомъ приходѣ все новое, все особенное, не столько въ платьяхъ, юбкахъ, какъ въ головномъ уборѣ: то волосы распущенны, то обстриженны, какъ у мужчинъ, кудри, то забранные въ клочокъ на маковкѣ головы, какъ у японцевъ; то обвязаны бѣлою фатой или просто простиною, которая виситъ до пятокъ; то дугою, то рогами, то въ видѣ подковы и Богъ вѣсть еще какъ. Все это неуклюже, непріятно для глазъ, какъ и остальной ихъ образъ жизни, далеко не гармонирующій съ прочей Финляндіею. Если ихъ скольконибудь подробнѣе описать, то выйдетъ такая пестрая картина, изъ которой трудно что-нибудь понять. Въ заключеніе остается сказать: все это такъ близко нашей столицы! Всякій интересующійся

этимъ предметомъ легко можетъ удовлетвориться собственными глазами.

Милая внучка

Маруся!

Шлю поздравленіе тебѣ съ настоящей веселой весною и съ наступающимъ красивымъ ляскельскимъ лѣтомъ. Желаю встрѣтить и проводить его въ весельѣ, благополучіи и вожделѣнномъ здравіи, наслаждаться чистымъ, здоровымъ воздухомъ и любоваться живописными видами окрестностей: горы, воды, лѣса, села, острова, луга, покрытыя сѣверною флорою—вотъ сколько очарованій! Но кромѣ нихъ какое восхищеніе тутъ, у тебя подъ окномъ: величественный водопадъ пѣнится и шумитъ.

При такомъ удобномъ случаѣ не могу удержаться, чтобы не пуститься въ болѣе пространное описание тѣхъ мѣстъ, тѣхъ видовъ и окрестностей, которые ежедневно у тебя передъ глазами. Когда-то и я, многогрѣшный, встрѣчалъ весну и проводилъ лѣто у этого Ляскельского порога. Но съ тѣхъ поръ много времени прошло, много воды утекло. И теперь я хочу подѣлиться съ тобою тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на меня впервые этотъ пѣнистый водопадъ.

Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ тогда эта мѣстность Ляскеля съ ея живописными окрестностями очень приглянулась. Будучи уже тогда въ пожилыхъ лѣтахъ, я все-таки не утерпѣлъ, пустился описывать, что представлялось моему взору. Писалъ-то я тогда много, не обѣ одной Ляскеля съ окрестностью. Описывалъ Валаамъ съ другими островами; сѣверное прибрежье Ладожского озера; водораздѣль финновъ-кореловъ оть Ладожского озера до Бѣлаго моря и прочія матеріи; отдавалъ и въ печать: въ „Олонецкія Губернскія Вѣдомости“, въ столичныя газеты: „Биржевые Вѣдомости“, „Сынъ Отечества“, въ „Географическое Общество“, гдѣ былъ почтенъ принятіемъ въ члены-сотрудники и за труды награжденъ медалью.

Еслибы всѣ эти мои описанія сохранились, то, можетъ быть, они пригодились бы тебѣ на память. Но при моей перемѣнной жизни куда-то всѣ они растерялись.

Такъ какъ въ настоящее время ты съ родителями твоими переселилась изъ столицы на житье въ Ляскеля, да кстати подошла и веселая весна,— вотъ и вспомнилось мнѣ тогдашнее мое вдохновеніе.

Я увидѣлъ впервые этотъ величественный Ляскельский порогъ весною 1869 года, во время половодія. Гдѣ мнѣ теперь, семидесяти-лѣтнему старику,

гнаться за краснымъ словцомъ! Поэтому опишу тебѣ его только въ общихъ очертааніяхъ, которыя еще чуть-чуть рисуются въ моей памяти. Помню, что при первомъ моемъ взглядѣ на этотъ величественно-восхитительный водопадъ въ пору весеннаго разлива воображеніе мое такъ воспламенилось, что я тутъ же пустился его описывать и въ прозѣ, и въ стихахъ; и хотя сознавалъ скучность моего таланта и мою малограмотность, но все-таки продолжалъ по мѣрѣ возможности риѳомоплетничать, пока, наконецъ, достигаемый конецъ моего риѳомоплетенія совершенно застрялъ въ волнахъ кипучаго порога, а я самъ сталъ втупикъ — не куда ступить. Тогда я ухватился за прозу¹⁾: давай, моль, съ нею спущусь внизъ по струѣ описывать окрестности. Вотъ уже не помню, какъ далеко и широко обходилъ я ихъ описаніемъ; нѣкоторую часть этой словесной „живописи“, уцѣлѣвшую до сихъ поръ въ моей памяти, теперь при семъ и прилагаю.

Не осуди, милая Маруся, если все это окажется негладко, нескладно! Ты вѣдь у меня институтка, а я учился на мѣдные деньги. Можетъ быть, тебѣ

1) Знаменитый поэтъ Державинъ видѣлъ Кивачъ въ близкость свою олонецкимъ губернаторомъ; но только спустя 20 лѣтъ, будучи сенаторомъ въ Петербургѣ, написалъ свою поэму „Водопадъ Кивачъ“. Дѣдушка Крыловъ басню—гѣской цѣткѣ „Василекъ“ писалъ въ продолженіе 15 лѣтъ.

покажется слишкомъ растянутымъ, скучнымъ, а можетъ быть и заинтересуешься, и неискусная рѣчь твоего дѣдушки возбудить въ тебѣ живое соревнованіе превзойти его въ литературномъ искусствѣ и любви къ природѣ. Какъ бы то ни было, а ты все-таки провѣрь: такъ ли все это теперь, какъ у меня 20 лѣтъ тому назадъ описано. Навѣрное, уже бревно, стоявшее посреди порога, не стоитъ теперь? Но бросаетъ ли попрежнему порогъ брызги въ нижнемъ концѣ выше крыши завода? — Если же найдешь какія-либо неточности въ описаніи,—старому прощается. Вѣдь 20 лѣтъ ужъ прошло: значитъ, много и въ природѣ, и въ искусствѣ измѣнилось могло. Особенно въ нынѣшнемъ культурно-прогрессивномъ вѣкѣ, въ два-три года мало-ли какія измѣненія могутъ совершиться. А тутъ цѣлыхъ 20 лѣтъ прошло—значитъ, могло измѣниться не то что произведенное человѣкомъ, но и Господомъ Богомъ. Такъ что если и Ляскельскій порогъ перестанетъ шумѣть, ничего удивительного въ этомъ не будетъ. Давно ли при городѣ Кексгольмѣ воды было въ нѣсколько десятковъ разъ больше, чѣмъ у васъ въ Ляскельскомъ порогѣ. А теперь не то что она не шумитъ болѣе, но и совершенно обсохла, можно свободно переходить. А отъ упомянутаго города, по петербургскому тракту, въ Кивиніеми, вода бѣжала съ юга на сѣверъ съ такимъ паденіемъ, что

нѣсколько мельницъ дѣйствовало; а теперь съ сѣвера на югъ въ томъ же самомъ мѣстѣ вода бѣжитъ въ нѣсколько десятковъ разъ сильнѣе, чѣмъ въ вашемъ порогѣ. Положимъ, что вмѣстѣ съ естественною перемѣною дѣйствовало и искусство рукъ человѣческихъ. Но мудрый порфионосецъ, царь Соломонъ, не даромъ сказалъ, что ничего вѣрнаго и постояннаго нѣть подъ луною. Что и видимъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Батавіи совершился феноменальный переворотъ въ природѣ: острова съ стотысячнымъ народонаселеніемъ моментально исчезали, другие появлялись. Такъ и въ вашихъ мѣстностяхъ, въ теченіе 20-ти-лѣтняго моего отсутствія, многія измѣненія могли совершиться, не говоря о техническихъ изобрѣтеніяхъ, но и въ природѣ. Легко могло случиться и такъ, что островъ Валаамъ со святыми отцами перешелъ на мѣсто Мѣнчѣля, а островъ Мѣнчѣля съ Иваномъ Егоровичемъ на мѣсто Валаама. Вы, конечно, съ папой и мамой примете это за шутку, за аллегорію. Но прочтите въ концѣ сего посланія описание расщелины земли—тутъ же близко васъ,—и вы убѣдитесь, что признаки есть, начало есть. Берегитесь!!!